

Этот вездесущий мимесис: «дополненный» анализ

Наталья Николаевна Белозёрова[✉], Лариса Григорьевна Федюченко^{✉✉}

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Контакт для переписки: n.n.belozerova@utmn.ru[✉], l.g.fedyuchenko@utmn.ru^{✉✉}

Аннотация. В данной статье сравниваются тексты-рассуждения (солилоквии) У. Шекспира, А. С. Пушкина, Дж. Джойса с цепочками мыслей рассуждающих языковых моделей. За основу берется классификация классического мимесиса, ключевая идея которого заключается в подражании чему-либо существующему. Все тексты анализируются с точки зрения семиотических модальностей «быть — казаться». В ходе анализа четырех текстов наряду с методом контекстуального анализа применяются методы промпт-инжиниринга с привлечением таких инструментов языковых моделей искусственного интеллекта, как rule-based reasoning, knowledge graph, chain-of-thought. В результате проведенного анализа делается ряд выводов: во всех текстах анализа доминирует модальность *быть*; модальность *казаться* реализуется посредством образцового синтаксиса предложений; рассуждающие языковые модели вполне способны выявить причинно-следственные связи, но ассоциативные связи сложных рассуждений потока сознания не поддаются адекватному анализу. Таким образом, авторы приходят к итоговому заключению о том, что превалирование функционального мимесиса достигается за счет вербального подобию.

Ключевые слова: большие языковые модели, мимесис, функциональный мимесис, солилоквий, генеративные модели

Цитирование: Белозёрова Н. Н., Федюченко Л. Г. 2025. Этот вездесущий мимесис: «дополненный» анализ // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 11. № 4 (44). С. 6–20. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2025-11-4-6-20>

Поступила 02.10.2025; одобрена 25.11.2025; принята 10.12.2025

This ubiquitous mimesis: “Augmented” analysis

Natalya N. Belozerova✉, Larisa G. Fedyuchenko✉✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: n.n.belozerova@utmn.ru✉, l.g.fedyuchenko@utmn.ru✉✉

Abstract. The article compares the reasoning texts (soliloquies) by William Shakespeare, Alexander Pushkin, and James Joyce with the thought chains of reasoning language models. The article is based on the classification of classical mimesis, the key idea of which is to imitate something existing. All texts are analyzed in terms of the semiotic modalities of “to be — to seem”. While analyzing the four texts, along with the method of contextual analysis there were used methods of prompt engineering, involving such tools of artificial intelligence language models as rule-based reasoning, knowledge graphs, and chain-of-thought. The analysis results in a number of conclusions: the modality of “to be” dominates in all the analyzed texts; the modality of “to seem” is realized by means of perfect sentence syntax; reasoning language models are quite capable of identifying cause-and-effect relationships, but the associative links of complex stream-of-consciousness reasoning do not lend themselves to adequate analysis. Thus, the authors come to the final conclusion that the prevalence of functional mimesis is achieved through verbal similarity.

Key words: large language models, mimesis, functional mimesis, soliloquy, generative models

Citation: Belozerova, N. N., & Fedyuchenko, L. G. (2025). This ubiquitous mimesis: “Augmented” analysis. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 11(4), 6–20. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2025-11-4-6-20>

Received Oct. 2, 2025; Reviewed Nov. 25, 2025; Accepted Dec. 10, 2025

Введение

С выпуском первых больших языковых моделей стали публиковать работы, в которых делается попытка осмыслить сущность процессов обработки информации и генерации текстов через теорию мимесиса [LaGrandeur, Kevin, 2024; Erslev и др., 2022]. Появилось даже обозначение процесса уподобления как “mimetic turn” [Lawtoo, Nidesh, 2022], а один из представленных проектов носит название “Homo mimeticus”, причем за основу сопоставления выбирается как классическая аристотелевская теория, так и современные социально ориентированные. Действительно, со временем появления и обоснования в работах В. Буша, А. Тьюринга, М. Минского, Дж. Маккарти оборачиваемой метафоры AI = HI, целью всех компьютерных программ стало уподобление машинного процесса

обработки информации и при её последующем подражании когнитивным процессам человека [Lawtoo, Nidesh, 2025]. Особенно ярко подражание когнитивным процессам демонстрируют «рассуждающие» модели (reasoning models), когда, например, китайская модель DeepSeek R-1 начинает свое рассуждение со слова «думаю».

Материал и методы

В данной работе, опираясь на классификацию типов классического мимесиса А. Ф. Лосева «Высокая классика» [Лосев, 1974], мы сравним тексты-рассуждения из трагедий У. Шекспира, «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина и романа Дж. Джойса «Улисс» с цепочками мыслей (chain-of-thought) рассуждающих языковых моделей. Всего нами было отобрано четыре текста. Монологи из произведений У. Шекспира и А. С. Пушкина классифицируются как “soliloque”, то есть произносятся персонажами в отсутствие других персонажей, один на один со зрителем. Кроме того, их объединяет общий текстовый структурный элемент — ход принятия решения и формулировка решения. Текст из эпизода «Нестор» романа «Улисс» представляет собой поток сознания молодого учителя, который по просьбе ученика решает алгебраическую задачу и показывает ему процесс и результат решения (здесь прослеживается аналогия с промптом, рассуждением и результатом генерации у современных моделей).

При этом гипотеза, которую мы попытаемся доказать, сформулирована следующим образом: превалирование функционального мимесиса в значительной мере обусловлено исключительно вербальным подобием.

При анализе предполагается использовать методы контекстуального анализа, как классические, разработанные в трудах Теуна Ван Дейка [Van Dijk, 2015, 2019], где устанавливается связь между знанием и дискурсивной деятельностью, так и заимствованных из архитектуры рассуждающих моделей. При выборе инструментов больших языковых моделей для дополненного исследования мы стремились избежать простой генерации текста, основанной на статистической вероятности последующего слова, поскольку такая генерация ведет к появлению так называемых галлюцинаций, т. е. фактологических искажений. Примером может служить фраза «медведь съел колобка» в генерации анализа русской сказки моделью Chat GPT-4o. Для наших целей мы обратились к инструментам, основанным на правилах логики из рассуждающих моделей (chain-of-thought, knowledge graph), и инструментам из архитектуры трансформера (self attention, multiheaded attention), реализующих на основе математических построений семантические контекстуальные отношения. Это помогло избежать отсутствия эпистемологической «осознанности» у генеративных моделей.

Результаты и обсуждение

Солилоквиум как художественное подражание мыслительному процессу

Текст 1. Speech “Now is the winter of our discontent” (spoken by Richard, Duke of Gloucester)

*“Now is the winter of our discontent
Made glorious summer by this sun of York;
And all the clouds that lour’d upon our house
In the deep bosom of the ocean buried.
Now are our brows bound with victorious wreaths;
Our bruised arms hung up for monuments;
Our stern alarums changed to merry meetings,
Our dreadful marches to delightful measures.
Grim-visaged war hath smooth’d his wrinkled front;
And now, instead of mounting barbed steeds
To fright the souls of fearful adversaries,
He capers nimbly in a lady’s chamber
To the lascivious pleasing of a lute.
But I, that am not shaped for sportive tricks,
Nor made to court an amorous looking-glass;
I, that am rudely stamp’d, and want love’s majesty
To strut before a wanton ambling nymph;
I, that am curtail’d of this fair proportion,
Cheated of feature by dissembling nature,
Deformed, unfinish’d, sent before my time
Into this breathing world, scarce half made up,*

*And that so lamely and unfashionable
That dogs bark at me as I halt by them;
Why, I, in this weak piping time of peace,
Have no delight to pass away the time,
Unless to spy my shadow in the sun
And descant on mine own deformity:
And therefore, since I cannot prove a lover,
To entertain these fair well-spoken days,
I am determin’d to prove a villain
And hate the idle pleasures of these days.
Plots have I laid, inductions dangerous,
By drunken prophecies, libels and dreams,
To set my brother Clarence and the king
In deadly hate the one against the other:
And if King Edward be as true and just
As I am subtle, false and treacherous,
This day should Clarence closely be mew’d up,
About a prophecy, which says that ‘G’
Of Edward’s heirs the murderer shall be.
Dive, thoughts, down to my soul: here
Clarence comes” [William Shakespeare].*

Солилоквиум Ричарда Глостера, открывающий историческую трагедию У. Шекспира «Ричард III», по функции представляет собой трагедийный пролог, в котором представляется ситуация и мотивация действий героя. Наблюдается аксиологическая инверсия: “in this weak piping time of peace” [William Shakespeare]. Всё, что принадлежит к наступившему мирному спокойствию, отвратительно Ричарду.

Физическая деформированность заставляет Ричарда Глостера стать злодеем (“I am determin’d to prove a villain” [William Shakespeare]). Его решение воплощается в действиях и сценах трагедии. Несмотря на функцию драматического пролога, произноси-

мого для публикации текста, он представляет собой размышление при высокой степени субъективной модальности. На это указывает заключительная строка, где герой побуждает свои мысли скрыться и нырнуть глубоко в душу: “Dive, thoughts, down to my soul, here Clarence comes!” [William Shakespeare].

В ходе анализа мы обратились к ряду генеративных моделей, таких как DeepSeek R-1, Chat GPT-4o mini, GigaChat с запросом проанализировать солилокви при использовании инструментов chain-of-thought и knowledge graph. Предлагаем здесь резюме полученных результатов, которые свидетельствуют об эффективности использования этих инструментов, в частности для аналитических и дидактических целей.

Модель DeepSeek R-1 выдает следующую логическую структуру при запросе использовать инструмент chain-of-thought:

- «1. Setting the Scene: The world is at peace.
- 2. Establishing Alienation: I don't fit in this world because of my body.
- 3. Justifying Action: Therefore, I will reject this world and become its enemy.
- 4. Revealing Action: I have already begun my villainous plots.
- 5. Demonstrating Method: I will hide my true self behind a mask of loyalty and love».

24 août 2025 10:10

Очевидно, что инструмент chain-of-thought, включенный в рассуждающие модели, является полезным аналитическим средством для первичных таксономических процедур обработки текста. Особенно полезным для аналитических и дидактических целей представляется основанный на правилах инструмент knowledge graph. Приведем здесь фрагмент развернутого графа персоны героя и его замысла:

«A[Richard III] -->|is physically| B(Deformed)

A -->|is emotionally| C(Discontented)

A -->|is plotting against| D(King Edward IV)

A -->|is plotting against| E(George of Clarence)

A -->|plans to be a| F[Villain]»

24 août 2025 10:10

В целом привлечение инструментов рассуждающих моделей, основанных на логической цепочке «причина — следствие», помогает выявить скрытые смыслы текста.

Далее методика «дополненного» анализа текста при помощи инструмента knowledge graph как опция модели DeepSeek R-1 была применена для анализа солилокви из трагедии «Гамлет, принц датский».

Текст 2. Hamlet's “O, what rogue and peasant slave am I”

“Now I am alone.

O, what a rogue and peasant slave am I!

Is it not monstrous that this player here,

But in a fiction, in a dream of passion,

Could force his soul so to his own conceit

That from her working all the visage wann'd,

*Tears in his eyes, distraction in his aspect,
A broken voice, an' his whole function suiting
With forms to his conceit? And all for nothing,
For Hecuba!
What's Hecuba to him, or he to [Hecuba],
That he should weep for her? What would he do
Had he the motive and [the cue] for passion
That I have? He would drown the stage with tears,
And cleave the general ear with horrid speech,
Make mad the guilty, and appall the free,
Confound the ignorant, and amaze indeed
The very faculties of eyes and ears. Yet I,
A dull and muddy-mettled rascal, peak
Like John-a-dreams, unpregnant of my cause,
And can say nothing; no, not for a king,
Upon whose property and most dear life
A damn'd defeat was made. Am I a coward?
Who calls me villain, breaks my pate across,
Plucks off my beard and blows it in my face,
Tweaks me by the nose, gives me the lie i' th' throat
As deep as to the lungs? Who does me this?
Hah, 'swords, I should take it; for it cannot be
But I am pigeon-liver'd, and lack gall
To make oppression bitter, or ere this
I should 'a' fatted all the region kites
With this slave's offal. Bloody, bawdy villain!*

*Remorseless, treacherous, lecherous, kindless villain!
Why, what an ass am I! This is most brave,
That I, the son of a dear [father] murdered,
Prompted to my revenge by heaven and hell,
Must like a whore unpack my heart with words,
And fall a-cursing like a very drab,
A stallion. Fie upon't, foh!
About, my brains! Hum - I have heard
That guilty creatures sitting at a play
Have by the very cunning of the scene
Been strook so to the soul, that presently
They have proclaim'd their malefactions:
For murther, though it have no tongue, will speak
With most miraculous organ. I'll have these players
Play something like the murther of my father
Before mine uncle. I'll observe his looks,
I'll tent him to the quick. If 'a do blench,
I know my course. The spirit that I have seen
May be a [dev'l], and the [dev'l] hath power
T' assume a pleasing shape, yea, and perhaps,
Out of my weakness and my melancholy,
As he is very potent with such spirits,
Abuses me to damn me. I'll have grounds
More relative than this - the play's the thing
Wherein I'll catch the conscience of the King"
[William Shakespeare].*

Этот солилоквиум является ключевым для развития сюжета. Оставшись один, Гамлет под впечатлением от эмоций актера в мыслях обвиняет себя в нерешительности и в результате приходит к решению устроить при помощи актеров ловушку дяде королю, чтобы проверить достоверность обвинений призрака в адрес Клавдия. Модель сюжета от триггера (выступление актера) через сопоставление эмоций актера с собственными переживаниями к принятию решения представляется и обосновывается DeepSeek R-1 детально при использовании графики, силлогизмов, вписанных в структуру Subject, Predicate, Object, и нарративной схемы, что, по сути, представляет собой chain-of-thought. Силлогизмы, оформленные предикативно (Hamlet is a prince, Hamlet is

frustrated, Hamlet has a reason и т. д.), представляют собою компоненты значения текста, подобно семам при семантической декомпозиции.

Примечательно, что этот солилокий подражает мыслительному процессу, что очевидно из «ручного» и генеративного анализов. Недаром в экранизации пьесы Григорием Козинцевым (1964) солилокий озвучивается актером И. М. Смоктуновским без артикуляции.

Проведенный анализ по методике «дополненного исследования» (augmented research) показал, что по своему генотипу тексты солилоквиев из хроники и трагедии являются примерами подражания мыслительному процессу (chain-of-thought). По своим коммуникативным драматургическим задачам солилокии нацелены на непосредственное взаимодействие со зрителем. По своей структурной функции монолог Ричарда Глостера представляет собой пролог, в то время как солилокий Гамлета представляет собою поворотный (кульминационный) момент в развитии сюжета. Оба солилоквия свидетельствуют об интенции (решении) героев. При этом Ричард воплощает собою возрожденческого злодея, человека действия, Гамлет — возрожденческого мыслителя. Основное противопоставление наблюдается по оси *Man of action vs Man of thought*. Привлечение инструментов моделей типа DeepSeek R-1 показало сходство в структуре цепочек мыслей и графов знаний. Оба текста начинаются с внешнего «триггера» — воцарения Эдуарда Йорка в хронике и эмоциональной декларации в трагедии, после следует аксиологический компонент, причина решения и решение. Оба солилоквия характеризуются высокой степенью субъективной модальности. Они ориентированы на собственную персону героя. Если солилокий Ричарда развивается по модели от внешнего политического триггера к инвертированной аксиологии (“foul is fair, fair is foul”), далее к анализу собственной персоны и, наконец, к формулированию намерения действовать как злодей, то гамлетовский солилокий структурно идентичен, однако семантически противоположен. Триггером в размышлениях Гамлета служит эмоциональная декларация актера, которая упоминается после самобичевания героя, «метапричиной» и «метатриггером» решения служит откровение призрака отца, поэтому самобичевание обусловлено собственной нерешительностью. Сомнение Гамлета вследствие цепочки рассуждений должно быть разрешено при помощи задуманной героем сцены «мышеловки».

Текст 3. А. С. Пушкин «Моцарт и Сальери»

*«Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить — не то, мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты ещё достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падёт опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нём? Как некий херувим,*

Этот вездесущий мимесис: «дополненный» анализ...

*Он несколько занёс нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше» [Пушкин, 1957].*

В маленькой трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» рефлексия Сальери о собственных достоинствах и о зачатках зависти прерывается визитом Моцарта, который приводит уличного «скрыпача». Решение отравить Моцарта принимается в размышлении после ухода Моцарта. Примечательно, что при использовании возможности кинематографа И. М. Смоктуновский, исполняющий роль Гамлета (1964) и роль Сальери (1982), произносит оба монолога за кадром, представляя их как цепочку мыслей.

Анализ данного текста с применением инструмента chain-of-thought показал следующую цепочку мыслей Сальери в солилокви:

- 1. Признание неизбежности.
- 2. Осознание своей миссии.
- 3. Тревога за будущее.
- 4. Логические обоснования.
- 5. Религиозные параллели.
- 6. Финальное решение.
- 7. Внутренний конфликт.

Таким образом, мысли Сальери движутся от признания неизбежности к поиску рациональных обоснований своего поступка, при этом сохраняя внутренний конфликт между личными чувствами и якобы высшей миссией.

Для наглядного отображения системы ценностей, внутреннего конфликта и хода мыслей Сальери, приведших к убийству, мы построили граф знаний (knowledge graph), который изображен на рис. 1. Этот граф строится на основе ключевых сущностей (нодов) и связей (эджей), которые Сальери раскрывает в своих двух монологах.

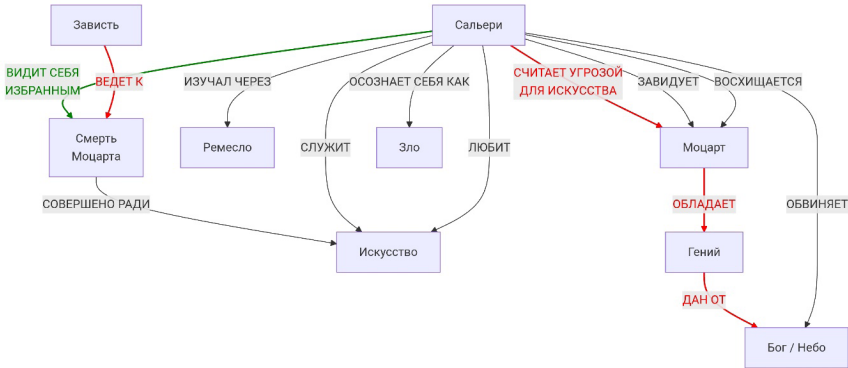

Рис. 1. Граф знаний DeepSeek R-1 ключевых сущностей и связей в монологах Сальери
Fig. 1. DeepSeek R-1 knowledge graph of key entities and relationships in Salieri's monologues

Анализ этого графа позволяет сделать несколько важных заключений о характере Сальери:

1. Трагедия Трудолюбия: центральный конфликт — не между добром и злом, а между Ремеслом (труд, знание, техника) и Гением (божественное озарение, данность). Сальери — трагическая фигура человека, обожествоившего Искусство, но не получившего высшего дара.
2. Идеологическое Убийство: Сальери не убивает из чистой ненависти. Он выстраивает сложную идеологическую конструкцию, где убийство — это долг перед Искусством, а не личная месть. Он не «завистник презренный», а «избранный спаситель».
3. Смещение Вины: Сальери переносит вину с себя на Бога (который несправедливо одарил «гуляку праздного») и на самого Моцарта (чьё существование является «угрозой» для всех жрецов искусства).
4. Двойственность: граф наглядно показывает раздвоенность Сальери. Он одновременно восхищается и ненавидит, служит искусству и совершает зло во имя него, считает себя избранным и злодеем.

Этот граф знаний прекрасно иллюстрирует, как логика, доведенная до абсурда, и страсть, возведенная в ранг философии, могут привести к преступлению, оправданному в собственных глазах.

Цепочка мыслей в рассмотренных солилоkvиях, хотя и развивается как подражание процессу и подражание цели, но зависит от цели и структуры драматургического жанра, который предусматривает непосредственное общение героя со зрителем. При трансмедийной адаптации действие может быть полностью перенесено в сознание героя.

Текст 4. Ulysses: Nestor

“Sargent who alone had lingered came forward slowly, showing an open copybook. His tangled hair and scraggy neck gave witness of unreadiness and through his misty glasses weak eyes looked up pleading. On his cheek, dull and bloodless, a soft stain of ink lay, dateshaped, recent and damp as a snail’s bed.

He held out his copybook. The word Sums was written on the headline. Beneath were sloping figures and at the foot a crooked signature with blind loops and a blot. Cyril Sargent: his name and seal.

—Mr Deasy told me to write them out all again, he said, and show them to you, sir.

Stephen touched the edges of the book. Futility.

—Do you understand how to do them now? he asked.

—Numbers eleven to fifteen, Sargent answered. Mr Deasy said I was to copy them off the board, sir.

—Can you do them yourself? Stephen asked.

—No, sir.

Ugly and futile: lean neck and tangled hair and a stain of ink, a snail’s bed. Yet someone had loved him, borne him in her arms and in her heart. But for her the race of the world would have trampled him underfoot, a squashed boneless snail. She had loved his weak watery blood drained from her own. Was that then real? The only true thing in life? His mother’s prostrate body the fiery Columbanus in holy zeal

bestrode. She was no more: the trembling skeleton of a twig burnt in the fire, an odour of rosewood and wetted ashes. She had saved him from being trampled underfoot and had gone, scarcely having been. A poor soul gone to heaven: and on a heath beneath winking stars a fox, red reek of rapine in his fur, with merciless bright eyes scraped in the earth, listened, scraped up the earth, listened, scraped and scraped.

Sitting at his side Stephen solved out the problem. He proves by algebra that Shakespeare's ghost is Hamlet's grandfather. Sargent peered askance through his slanted glasses. Hockeysticks rattled in the lumberroom: the hollow knock of a ball and calls from the field.

Across the page the symbols moved in grave morrice, in the mummary of their letters, wearing quaint caps of squares and cubes. Give hands, traverse, bow to partner: so: imps of fancy of the Moors. Gone too from the world, Averroes and Moses Maimonides, dark men in mien and movement, flashing in their mocking mirrors the obscure soul of the world, a darkness shining in brightness which brightness could not comprehend.

—Do you understand now? Can you work the second for yourself?

—Yes, sir.

In long shaky strokes Sargent copied the data. Waiting always for a word of help his hand moved faithfully the unsteady symbols, a faint hue of shame flickering behind his dull skin. Amor matris: subjective and objective genitive. With her weak blood and wheysour milk she had fed him and hid from sight of others his swaddling bands.

Like him was I, these sloping shoulders, this gracelessness. My childhood bends beside me. Too far for me to lay a hand there once or lightly. Mine is far and his secret as our eyes. Secrets, silent, stony sit in the dark palaces of both our hearts: secrets weary of their tyranny: tyrants, willing to be dethroned.

The sum was done.

—It is very simple, Stephen said as he stood up.

—Yes, sir. Thanks, Sargent answered.

He dried the page with a sheet of thin blottingpaper and carried his copybook back to his bench.

—You had better get your stick and go out to the others, Stephen said as he followed towards the door the boy's graceless form.

—Yes, sir" [Joyce].

В отрывке из эпизода «Нестор» романа «Улисс» Дж. Джойса, действие разворачивается в двух планах: в дейксисе пространства (локуса) дублинского колледжа (аудитория, кладовка, где хранятся хоккейные клюшки, площадка для игр, кабинет директора) и в персональном дейксисе, который выражен персонажами учеников, которые отвечают на уроке, шалят, просят рассказать о призраках, жуют сушеный инжир, кричат, играют в хоккей на траве. Из учеников выделен нелепый мальчик, Саджент, напомнивший учителю (Стивену Дедалусу) его самого в детстве, который просит помочь ему решить пример по алгебре. Фактически просьбу Саджента можно рассмотреть как аналогию запроса (промпта) к модели.

Учитель является одним из трех персонажей «густонаселенного» романа, чье сознание открыто и вербализовано Дж. Джойсом, каждый фактор внешнего мира запускает цепочку ассоциаций. Так, чернильная клякса на щеке мальчика запускает цепоч-

ку ассоциаций о любви матери Саджента к своему ребенку, переходящих в цепочку воспоминаний о своей умершей матери. Пример, который Саджент просит решить, воспринимается как способ доказать присутствие автопортрета Шекспира в трагедии «Гамлет». Ссутулившаяся фигура мальчика вызывает воспоминания о собственном детстве. Триггером для ассоциаций являются фактически все события внешнего мира. Их последовательность не воплощается в логическую цепочку.

Последовательность потока сознания основана на ассоциативном ряде. Логика просматривается в действиях: мальчик просит помочь решить пример, учитель решает и показывает, как решить, мальчик переписывает, поняв, как надо решать, и бежит играть в хоккей с другими учениками. Сама рефлексия Стивена ассоциативно обусловлена и не логична.

Еще одно отличие: ориентация размышлений. В драматургических солилоkvиях герои полностью ориентированы на собственные переживания. В потоке сознания Стивена ориентация просматривается как на внешние факторы (мальчик, задача), так и на собственные проблемы (любовь и недавняя смерть матери, свое детство, алгебраический пример как универсальный метод решения проблем).

Данный текст был проанализирован при помощи GigaChat с запросом на использованием инструмента chain-of-thought, в итоге получен следующий результат:

Первая мысль сосредоточена на описании ученика Саржента:

- внешний вид (растрепанные волосы, худая шея, очки);
- физическое состояние (бледная кожа, пятно чернил);
- социальная незащищенность.

Вторая мысль переходит к учебной ситуации:

- Саржент показывает тетрадь с примерами;
- диалог с учителем Стивеном о понимании материала;
- выявление неспособности ученика самостоятельно решать задачи.

Третья мысль углубляется в философское размышление о матери Саржента:

- размышления о материнской любви;
- противопоставление защиты матери и жестокости мира;
- метафора с улиткой и листом;
- воспоминания о матери, ее жертвенности.

Четвертая мысль возвращается к учебному процессу:

- Стивен помогает ученику решить задачу;
- параллель с алгебраическим доказательством о Шекспире;
- отсылка к историческим фигурам (Аверроэс, Маймонида).

Пятая мысль развивает тему материнства и личных воспоминаний:

- размышления о материнской любви (amor matris);
- сопоставление с собственным детством Стивена;
- тема секретов и одиночества.

Заключительная мысль завершает сцену:

- Саргент завершает задание;
- финальное напутствие Стивена;
- уход ученика.

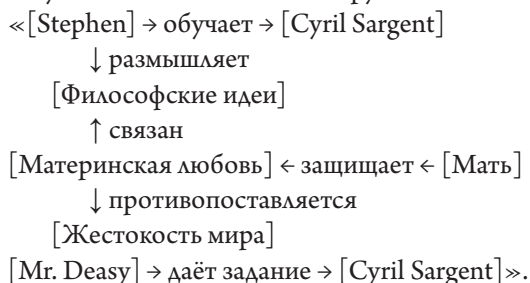
Модель GigaChat выделила следующие основные темы текста:

- **Материнская любовь** как единственная истинная ценность.
- **Одиночество** и социальная незащищенность.
- **Обучение** как акт человеческого участия.
- **Философские размышления** о смысле жизни.
- **Личные воспоминания** и их влияние на настоящее.

Также были выделены логические связи:

- Внешнее описание переходит к внутреннему состоянию.
- Учебная ситуация становится поводом для философских размышлений.
- Личные переживания Стивена переплетаются с ситуацией ученика.
- Тема материнства связывает разные пласты повествования.

Результат использования инструмента knowledge graph следующий:

[Mr. Deasy] → даёт задание → [Cyril Sargent]».

29.09.2025 17:10

Модель делает следующие выводы на основе графа:

- **Центральная роль** материнской любви в формировании личности.
- **Важность человеческого участия** в образовательном процессе.
- **Сложность эмоционального состояния** персонажей.
- **Глубина философских размышлений**, порождённых простой учебной ситуацией.

29.09.2025 17:10

Заключение

Рассматривая эти тексты с точки зрения семиотических модальностей, «быть — казаться» (*être — paraître*), обоснованных А. Греймасом [Greimas, 1976], отметим доминирование компонента *быть* в солиловках. Фактически эта оппозиция является текстообразующей как в трагедии У. Шекспира «Гамлет», так и в хронике «Ричард III».

Доминирует эта оппозиция и в тексте А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери». Во втором эпизоде романа «Улисс» Дж. Джойса модальность *казаться* маркирована безупречным синтаксисом предложений (“On his cheek, dull and bloodless, a soft stain of ink lay, dateshaped, recent and damp as a snail’s bed. He held out his copybook. The word *Sums* was written on the headline” [Joyce, 2003]). Для потока сознания характерны инверсии (“like him I was” [Joyce, 2003]), что наблюдалось и в солилокви Гамлета, синтаксические эллипсы (“Ugly and futile: lean neck and tangled hair and a stain of ink, a snail’s bed” [Joyce, 2003].), ассоциативные цепочки (“My childhood bends beside me. Too far for me to lay a hand there once or lightly. Mine is far and his secret as our eyes. Secrets, silent, stony sit in the dark palaces of both our hearts: secrets weary of their tyranny: tyrants, willing to be dethroned” [Joyce]).

Отметим, что при запросе составить knowledge graph этого текста модель справилась только с нарративной составляющей текста: “Node for Cyril Sargent → connects to Mr. Deasy (instructs) → connects to Stephen Dedalus (teaches) → connects to concepts of futility and nurturing”.

Ассоциативная составляющая «потока сознания» Стивена Дедалуса осталась недоступной для причинно-следственного анализа рассуждений модели. Вербальность, в свою очередь, определяется доминированием подражания речевой деятельности.

В целом, для анализа этих текстов были привлечены инструменты языковых моделей искусственного интеллекта, в названии своем содержащие антропоморфизмы и в ходе реализации имитирующие мыслительную деятельность. Были привлечены инструменты трансформера, связанные с вниманием: attention, self-attention, multi-headed attention. Кроме того, использовались инструменты рассуждающих моделей, такие как rule-based reasoning, chain-of-thought, knowledge graph.

Инструмент multiheaded attention помогает изучить структуру анализа, его логическую последовательность. Инструмент self-attention фактически повторяет одновременно для каждого слова его «отложенное» контекстуальное значение. Инструмент рассуждающей модели knowledge graph, который выстраивает семантические внутритекстовые связи, обладает наибольшим дидактическим потенциалом, поскольку определяет внутритекстовую когерентность и дает возможность провести параллели между естественным мыслительными процессами и модельной генерацией. Инструмент chain-of-thought хорошо работает при анализе текста, построенном на причинно-следственных связях, однако неэффективен на текстах, написанных в стиле «потока сознания» (stream of consciossness).

Дополненный анализ показал, что функциональный мимесис моделей зависит от формулировки промпта, зачастую нацеленного на реализацию определенных генеративных функций. При запросе (промпте) задача формулировалась следующем образом: can you demonstrate how chain of thought tool works upon the opening soliloquy from Richarch the Third, etc. Английский язык запросов был выбран для текстов на английском языке. Для текста из «маленьких трагедий» А. С. Пушкина был выбран русский язык при работе с GigaChat. Эти инструменты хорошо работают при анализе текстов, основанных при их создании на причинно-следственных связях. При привлечении их для анализа ассоциативных цепочек модель пытается систематизировать их в логическую структуру.

Список литературы

- Лосев А. Ф. 1974. История античной эстетики. Высокая классика. История античной эстетики. Т. III. М.: Искусство.
- Пушкин А. С. 1957. Моцарт и Сальери (пьеса и примечания к ней) // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. V. М. <https://share.google/xXjGCKl0FCcWAYBSn> (дата обращения: 09.12.2025).
- Erslev M. S. 2022. A Mimetic Method: Rendering artificial intelligence imaginaries through enactment // *A Peer-Reviewed Journal About*. No. 11.1. Pp. 34–49.
- Greimas A. J. 1976. Pour une théorie des modalités // *Langages*. № 43. Pp. 90–107. https://www.persee.fr/doc/lgge_0458-726x_1976_num_10_43_2322 (дата обращения: 09.12.2025).
- Joyce J. Ulysses // Project Gutenberg. <https://www.gutenberg.org/cache/epub/4300/pg4300-images.html#chap02> (дата обращения: 09.12.2025).
- LaGrandeur K. 2024. AI and Reverse Mimesis: From human imitation to human subjugation? // *Mimetic Posthumanism: Homo Mimeticus 2.0 in Art, Philosophy and Technics*. Leiden; Boston: Brill. No. 5. Pp. 321–338.
- Lawtoo N. 2022. Posthuman Mimesis I: Concepts for the Mimetic Turn // *Journal of Posthumanism*. No. 2 (2). Pp. 101–114.
- Lawtoo N. 2025. *Mimetic Posthumanism: An Introduction* // *Mimetic Posthumanism Homo Mimeticus 2.0 in Art, Philosophy and Technics*. Leiden; Boston: Brill. Pp. 1–36.
- Van Dijk T. A. 2015. Critical discourse analysis // *The Handbook of Discourse Analysis*. Pp. 466–485.
- Van Dijk T. A. 2019. *Macrostructures: An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction, and Cognition*. Routledge.
- Vicars M., Arantes J. A. 2025. AI Against 'I' Hiraeth Poiesis or Mimesis: A Critical Re/Account/Ability // *Understanding Generative AI in a cultural context: Artificial myths and human realities*. IGI Global Scientific Publishing. Pp. 425–446.
- William Shakespeare: The Tragedy of Richard the Third, 11072 (Shakespeare-Riverside, Pp. 712–713).
- William Shakespeare: The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark, 98. 12967 (Shakespeare-Riverside, 1159).
- Woodruff P. Aristotle on mimesis // *Essays on Aristotle's Poetics*. <https://juanfermeja.com> (дата обращения: 09.12.2025).

References

- Losev, A. F. (1974). *The History of Ancient Aesthetics. High Classics. The History of Ancient Aesthetics. Vol. 3. Iskusstvo*. [In Russian]
- Pushkin, A. S. (1957). Mozart and Salieri (play and notes to it). In A. S. Pushkin, *Mozart and Salieri. Complete Set of Works, Vol. V*. P. 355. Retrieved December 9, 2025, from <https://share.google/xXjGCKl0FCcWAYBSn> [In Russian]
- Erslev, M. S. (2022). A Mimetic Method: Rendering artificial intelligence imaginaries through enactment. *A Peer-Reviewed Journal About*, (11.1), 34–49.

- Greimas, A. J. (1976). Pour une théorie des modalités. *Langages*, (43), 90–107. Retrieved December 9, 2025 from https://www.persee.fr/doc/lgge_0458-726x_1976_num_10_43_2322
- Joyce, J. Ulysses. In *Project Gutenberg*. Retrieved December 9, 2025 from <https://www.gutenberg.org/cache/epub/4300/pg4300-images.html#chap02>
- LaGrandeur, K. (2024). AI and Reverse Mimesis: From human imitation to human subjugation? In *Mimetic Posthumanism: Homo Mimeticus 2.0 in Art, Philosophy and Technics*, (5), 321–338.
- Lawtoo, N. (2022). Posthuman Mimesis I: Concepts for the Mimetic Turn. *Journal of Posthumanism*, 2(2), 101–114. <https://doi.org/10.33182/joph.v2i2.2063>
- Lawtoo, N. (2025). Mimetic Posthumanism: An introduction. In *Mimetic Posthumanism Homo Mimeticus 2.0 in Art, Philosophy and Technics*. Pp. 1–36. Brill.
- Van Dijk, T. A. (2015). Critical discourse analysis. In *The Handbook of Discourse Analysis*. Pp. 466–485.
- Van Dijk, T. A. (2019). *Macrostructures: An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction, and Cognition*. Routledge.
- Vicars, M., & Arantes, J. A. (2025). AI Against 'I' Hiraeth Poiesis or Mimesis: A Critical Re/Account/Ability. In *Understanding Generative AI in a Cultural Context: Artificial Myths and Human Realities*. Pp. 425–446. IGI Global Scientific Publishing.
- William Shakespeare: The Tragedy of Richard the Third, 11072 (Shakespeare-Riverside, P. 712–713).
- William Shakespeare: The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark, 98. 12967 (Shakespeare-Riverside, 1159)
- Woodruff, P. Aristotle on mimesis. In *Essays on Aristotle's Poetics*. Retrieved December 9, 2025 from <https://juanfermejia.com>

Сведения об авторах

Наталья Николаевна Белозёрова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной и теоретической лингвистики, институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
n.n.belozeroval@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0892-7380>

Лариса Григорьевна Федюченко, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной и теоретической лингвистики, институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
l.g.fedyuchenko@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1061-1043>

Information about the authors

Natalya N. Belozeroval, Dr. Sci. (Philol.), Professor, Professor of the Department of Applied and Theoretical Linguistics, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen, Russia
n.n.belozeroval@utmn.ru <https://orcid.org/0000-0003-0892-7380>

Larisa G. Fedyuchenko, Dr. Sci. (Philol.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Applied and Theoretical Linguistics, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen, Russia
l.g.fedyuchenko@utmn.ru <https://orcid.org/0000-0003-1061-1043>